

Коллизионное регулирование недействительности сделок должника при трансграничной несостоятельности

Аннотация. Принимая во внимание отсутствие надлежащего правового регулирования как трансграничной несостоятельности в целом, так и недействительности сделок при трансграничной несостоятельности в российском праве, автор проводит анализ российской судебной практики, где возникала проблема определения права, применимого при оспаривании сделок должника в рамках процедуры несостоятельности, и приходит к выводу о том, что в российской судебной практике складывается ситуация, когда вопрос об определении применимого к недействительности сделок права ставится в зависимость от наличия процедуры банкротства и оснований для признания сделки недействительной. На основе анализа европейского регулирования вопросов права, применимого при оспаривании сделок должника в процессе трансграничной несостоятельности, автор рассматривает возможные исключения из коллизионной привязки *lex fori concursus* с целью защиты некоторых категорий третьих лиц от неожиданного вмешательства в правоотношения сторон иностранного права для обеспечения стабильности оборота и поддержания правовой определенности.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность; банкротство; осложненное иностранным элементом; *lex fori concursus*; *lex causae*; оспаривание сделок в банкротстве; недействительность сделок; применимое право; коллизионное регулирование; статут несостоятельности; обязательственный статут.

Для цитирования: Полшкова М. И. Коллизионное регулирование недействительности сделок должника при трансграничной несостоятельности // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 1. — С. 147–155. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.122.1.147-155.

Conflict Regulation of Debtor's Transactions Invalidity in Cross-Border Insolvency

Mariya I. Polshkova, Deputy Head of Higher School of Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
imi.orb@gmail.com

Abstract. Given the lack of proper legal regulation of both cross-border insolvency in general and the invalidity of transactions in cross-border insolvency in the Russian law, the author analyzes Russian judicial practice revealing the problem of determining applicable law in challenging the debtor's transactions in the framework of the insolvency

© Полшкова М. И., 2021

* Полшкова Мария Игоревна, заместитель руководителя Высшей школы права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
imi.orb@gmail.com

procedure. The author concludes that the Russian judicial practice shows that determination of the law applicable to the invalidity of transactions is contingent on the existence of a bankruptcy procedure and on the grounds for recognizing the transaction as invalid. Based on the analysis of the European regulation of legal issues applicable when challenging the debtor's transactions in cross-border insolvency, the author considers possible exceptions to the conflict of laws *lex fori concursus* for certain categories of third parties to be protected from unexpected interference in the legal relationship of the parties to foreign law in order to ensure the stability of the turnover and maintain legal certainty.

Keywords: cross-border insolvency; bankruptcy; complicated by a foreign element; *lex fori concursus*; *lex causae*; challenging transactions in bankruptcy; invalidity of transactions; applicable law; conflict regulation; insolvency statute; *lex obligationis*.

Cite as: Polshkova M.I. Kollizionnoe regulirovanie nedeystvitel'nosti sdelok dolzhnika pri transgranichnoy nesostoyatel'nosti [Conflict Regulation of Debtor's Transactions Invalidity in Cross-Border Insolvency]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(1):147-155. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.122.1.147-155. (In Russ., abstract in Eng.).

В нашей стране растет внимание к проблемам трансграничной несостоятельности. Это связано в первую очередь с глобализацией дел о банкротстве и приобретением ими трансграничного характера.

В России практически отсутствует какое-либо нормативное регулирование вопросов трансграничной несостоятельности (банкротства). Действующая редакция Закона о банкротстве предусматривает лишь приоритет международно-правового регулирования над национальным (п. 4 ст. 1), национальный режим для иностранных кредиторов (п. 5 ст. 1) и порядок признания решений иностранных судов по делам о банкротстве (п. 6 ст. 1).

При этом российские суды регулярно сталкиваются с проблемами трансграничной несостоятельности, начиная с вопроса о допустимости банкротства в России иностранных граждан¹ и заканчивая сложными вопросами «банкротного туризма» и координации параллельных дел о банкротстве в отношении одного должника в разных юрисдикциях².

Таким образом, неопределенность, формируемая правовым вакуумом, вкупе с не всегда предсказуемым судебным правоприменением, создает непредсказуемость для предпринимателей и иностранных инвесторов при оценке их правовых рисков на случай банкротства³.

Оспаривание сделок должника — один из наиболее часто используемых инструментов защиты прав кредиторов и возврата активов должника в конкурсную массу.

Можно выделить несколько трансграничных аспектов оспаривания сделок должника при банкротстве, осложненном иностранным элементом. Они вытекают из классических для правоотношений с иностранным элементом вопросов: суд какого государства компетентен рассматривать дело, какое право применимо при рассмотрении дела, как признать и привести в исполнение вынесенный судебный акт?

В статье мы рассмотрим один из указанных трансграничных аспектов оспаривания сделок должника — вопросы применимого права.

Тема настоящего исследования приобретает особенное значение для отечественной правовой системы, так как в действующем законодательстве не закреплены специальные коллизионные нормы применительно как к правоотношениям несостоятельности в целом, так и к вопросам определения права, применимого к недействительности сделок. Кроме того, отсутствуют и доктринальные исследования в этой области.

Вопрос о праве, применимом к недействительности сделок, относят к наиболее сложным в международном частном праве. Трудно и сегодня не согласиться с утверждением, сделанным

¹ Постановление АС Московского округа от 08.07.2016 по делу № А40-186978/2015.

² Постановление АС Северо-Западного округа от 14.11.2016 № Ф07-9292/2016 по делу № А56-27115/2016.

³ См.: Мохова Е. В. Глобализация трансграничных банкротств в России: опыт движения на запад и перспективы развития в евразийском направлении // Закон. 2017. № 5. С. 127.

еще в начале прошлого века, о том, что ни один из вопросов коллизии законов не запутан более, чем вопрос о праве, применимом к действительности контракта⁴, который нередко возникает при разрешении международных коммерческих споров. Сложность определения права, применимого к признанию договора недействительным, обусловлена тем, что выбор применимого права зависит от того, порок какого из элементов, составляющих единство сделки: формы, содержания, воли или субъекта, — является основанием недействительности сделки.

В связи с множественностью оснований вопрос о применимом праве не имеет однозначного решения. Как отмечалось в литературе, при сходной общей схеме регулирования вопросов недействительности в национальном законодательстве разных стран имеются существенные различия, которые могут касаться оснований признания сделок недействительными (оспоримыми и ничтожными). При этом различные пороки сделки могут оказывать неодинаковое влияние на ее юридическую силу, по-разному может решаться вопрос о том, какие из пороков сделки могут приводить к признанию сделки недействительной с самого начала (*ab initio*), определяться, кому принадлежат право оспаривания и инициатива установления ничтожности⁵.

Основываясь на общей схеме определения применимого права, предусмотренной в ст. 1186 Гражданского кодекса РФ, при обращении к российскому праву в первую очередь следует установить, имеются ли в данной области унифицированные посредством международных договоров материально-правовые нормы, наличие которых согласно п. 3 ст. 1186 ГК РФ исключает вопрос об определении применимого права на основе коллизионных норм.

Подобного рода соглашений у Российской Федерации не имеется ни с одним из государств.

Коллизионные нормы ГК РФ содержат весьма полный комплекс норм, которые содержат ответы практически на все основные вопросы о праве, применимом к сделкам, за исключением специальной нормы о праве, применимом к основаниям недействительности сделок.

Единственное общее положение, касающееся права, применимого к недействительности, установлено статьей 1215 ГК РФ, которая предусматривает, что правом, подлежащим применению к договору, определяются, в частности, последствия недействительности договора (п. 6). При этом вопрос об определении права, применимого к основаниям признания договора недействительным в ст. 1215 ГК РФ, в перечень вопросов, регулируемых обязательственным статутом, не включен.

Об этой проблеме упоминал Л. А. Лунц, констатируя, что наибольшие трудности связаны с разрешением коллизионных вопросов действительности по существу. Сюда относятся, например, коллизионные вопросы пороков воли, законности того или иного условия договора⁶.

Примером применения обязательственного статута при рассмотрении вопроса о признании сделки недействительной может служить арбитражная практика, изложенная в п. 12 информационного письма Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 № 29 «Обзор судебной арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц». Арбитражный суд при рассмотрении дела по иску российской стороны о признании недействительным заключенного с немецким контрагентом контракта об аренде теплохода, который носил для российской стороны кабальный характер и на условия которого она была вынуждена согласиться из-за сложившихся обстоятельств в их сотрудничестве, применил обязательственный статут — право ФРГ⁷.

При оспаривании совершенных должником сделок в рамках процедуры банкротства

⁴ См.: Beale J. H. What Law Governs the Validity of Contract // Harvard Law Review. 1909. Vol. XXIII. № 1. P. 1–11. URL: https://www.jstor.org/stable/1324559?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 28.10.2020).

⁵ См.: Бардина М. П. Определение права, применимого к недействительности сделок // Государство и право. 2017. № 1. С. 89.

⁶ Лунц Л. А. Международное частное право. Особенная часть. Изд. 2-е. М., 1975. С. 184.

⁷ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. № 4. С. 3.

возникает противоположная ситуация. При рассмотрении дела № А40–108528/2012 по предъявленному юридическому лицу (зарегистрированному и действующему на территории РФ) заявлению банкротящегося АО «Банк «Снорас»» (Литовская Республика) о признании сделки недействительной Президиум ВАС РФ в постановлении от 12.11.2013 № 10508/13 сформулировал правовую позицию, закрепившую приоритет права страны, в которой проводится процедура банкротства. В дальнейшем такой подход в рамках указанного дела поддержал Верховный Суд РФ⁸. Принцип приоритета права страны, в которой проводится процедура банкротства, нашел свое отражение и в последующей правоприменительной практике⁹.

Таким образом, в отсутствие законодательно закрепленной коллизионной привязки, позволяющей определить право, применимое при оспаривании сделки, в судебной практике складывается ситуация, когда вопрос об определении применимого права ставится в зависимость от наличия процедуры банкротства и оснований для признания сделки недействительной. Что, в свою очередь, приводит к неопределенности относительно права, подлежащего применению к регулированию отношений сторон, вступающих в договорные правоотношения.

Как было указано ранее, в судебной практике, отчасти соответствующей общим мировым тенденциям коллизионного регулирования трансграничной несостоятельности, оформилась коллизионная привязка, называемая *lex fori concursus*¹⁰. Согласно ей при рассмотрении вопросов трансграничной несостоятельности применяется право страны, в которой проводится процедура банкротства, определяемая, в свою очередь, по месту основных интересов должника (так называемый COMI-стандарт). Указанный подход российских судов применяется

в том числе и при признании сделок должника недействительными.

Так, в деле № А67-874/2014 о несостоятельности (банкротстве) ООО «Томскнефтепереработка» было рассмотрено заявление арбитражного управляющего о признании недействительным договора на рефинансирование существующих кредитов и о применении последствий недействительности сделки, заключенной должником с иностранной компанией¹¹. При заключении спорного договора стороны выбрали в качестве применимого права законодательство Швейцарии. Однако суд пришел к выводу о том, что ввиду отсутствия между Российской Федерацией и Швейцарской Конфедерацией каких-либо международных соглашений, а также исходя из сформированной правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.11.2013 № 10508/13 о приоритете права страны, в которой проводится процедура банкротства, учитывая, что сделка оспорена по специальному основанию, предусмотренному п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, как сделка, совершенная при неравноценном встречном исполнении обязательств, в результате которой был причинен вред имущественным правам кредиторов должника, единственным применимым правом является право Российской Федерации — *lex fori concursus*, право государства места открытия производства по делу. Суд также добавил, что национальное законодательство Российской Федерации носит императивный характер относительно подведомственности споров в рамках дел о банкротстве российских компаний. Положения Закона о банкротстве исходят из того, что внешний управляющий вправе оспорить любую сделку, подпадающую под условия гл. III.1. Более того, эти основания являются специальными по отношению и к общим положениям Гражданского

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 10.09.2015 № 305-ЭС15-7119.

⁹ Определение Верховного Суда РФ от 07.04.2017 по делу № 309-ЭС14.923 (№ А07.12937/2012) ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.09.2017 по делу № А40-155329/14 ; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.04.2015 по делу № А53-18803/2011.

¹⁰ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.11.2013 № 10508/13.

¹¹ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16.11.2017 № 07АП-6458/2014(69).

кодекса РФ. Если бы сторона сделки не находилась в процедуре банкротства, основания гл. III.1 Закона о банкротстве не могли бы быть применены для оспаривания сделок.

Аналогичный вывод сделал суд при рассмотрении заявления конкурсного управляющего ПАО «М2М Прайвет Банк» о признании сделки, оформленной договором финансового залога, недействительной в рамках дела № А40-251578/2016 о банкротстве ПАО «М2М Прайвет Банк»¹². Заявители кассационных жалоб полагали, что сделки не могли быть оспорены по общегражданским основаниям ввиду применимого латвийского права, притом что законодательство Российской Федерации (в том числе Закон о банкротстве) прямо признает приоритет норм международных договоров России, а значит, применяется Договор о правовой помощи, заключенный между Россией и Латвией. Однако суд указал, что соглашение о выборе применимого права к спорному договору не препятствует признанию такого договора недействительным на основании норм права государства, в котором осуществляется процедура банкротства стороны договора.

В деле № А27-6875/2017 о банкротстве гражданина при рассмотрении заявления о признании недействительным договора дарения недвижимого имущества, находящегося на территории Чешской Республики, суд не применил право страны места нахождения недвижимого имущества, а пришел к выводу о том, что рассмотрение спора должно осуществляться в соответствии с личным законом физического лица — должника, а также правом страны, в которой проводится процедура банкротства¹³.

Однако в деле № А40-155329/2014 о банкротстве АКБ «ИнтрастБанк» (ОАО) при рассмотрении заявления конкурсного управляющего о признании сделок недействительными и при-

менении последствий недействительности сделок, подчиненных выбранному сторонами праву Швейцарии, суд принял во внимание юридическое заключение по праву Швейцарии о соответствии соглашения положениям Гражданского кодекса Швейцарии и не нашел оснований для признания сделок недействительными по общегражданским основаниям (ст. 10, 168 ГК РФ)¹⁴.

Стоит отметить, что очевидная экономическая и процессуальная целесообразность применения указанной коллизионной привязки *lex fori concursus* не так однозначна при рассмотрении вопросов об оспаривании сделок должника в процессе трансграничной несостоятельности, о чем свидетельствует последний указанный пример из судебной практики.

Для понимания всей сложности и противоречивости данного подхода считаем необходимым обратиться к европейскому опыту коллизионного регулирования оспаривания сделок должника при трансграничной несостоятельности.

Поскольку признание сделок недействительными идет вразрез с ожиданиями третьей стороны, имеет важные социальные издержки и может повлиять на общую стабильность торгового оборота, европейские государства уделяют равное внимание защите доверия к стабильности и преемственности приобретенных прав на их территориях и установлению границ для оспаривания сделок.

На уровне Европейского Союза в отношении трансграничной несостоятельности в Регламенте 1346/2000 (EIR), который теперь заменен Регламентом 2015/848 (EIR Recast), установлены единые правила в отношении юрисдикции, применимого права и признания судебных решений¹⁵. Их цель состоит в том, чтобы обеспечить эффективное и действенное ведение разбирательства путем обеспечения стабильности и согласованности и по крайней мере частичного

¹² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.02.2019 по делу № А40-251578/2016.

¹³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.02.2019 по делу № А27-6875/2017 ; определение Верховного Суда РФ от 20.05.2019 № 304-ЭС19-5719 .

¹⁴ Постановление арбитражного суда Московского округа от 19.09.2017 по делу № А40-155329/2014 ; определение Верховного Суда РФ от 16.01.2018 № 305-ЭС15-15347(6).

¹⁵ Регламент (ЕС) № 1346/2000 Совета от 29.05.2000 о производстве по делу о несостоятельности (OJ L 160, 30.06.2000, стр. 1) (далее — Регламент 1346/2000 или EIR). Он был отменен и заменен Регламентом ЕС

ограничения расходов, вызванных трансграничным характером дел.

В соответствии с положениями Регламента, суды государства-члена, на территории которого находится центр основных интересов (COMI) должника, обладают юрисдикцией для возбуждения производства по делу о несостоятельности. В своем прецедентном праве Европейский Суд признал принцип *vis attractiva concursus* и заявил, что суды COMI должника также будут обладать юрисдикцией для принятия решения по иску об оспаривании действий должника (*actio pauliana*) независимо от того, возбуждено ли оно против лица, чей зарегистрированный офис (или место жительства) находится в другом государстве-члене или в третьем государстве. Статья 1 (1) EIR Recast прямо подтверждает этот принцип в настоящее время.

В соответствии со ст. 7(2)(m) EIR Recast (бывшая статья 4(2)(m) EIR), закон государства-члена, в котором было открыто производство по делу о несостоятельности (*lex fori concursus*), устанавливает основные правила, определяющие недействительность сделок, наносящих ущерб кредиторам. При выборе применимого права должным образом учитывается тот факт, что оспаривание сделки должника тесно связано с производством по делу о несостоятельности и способствует реализации целей производства по делу о несостоятельности. У этого положения есть сильные стороны. Применение единого права в отношении различных (оспариваемых) сделок, заключенных несостоятельным должником с различными третьими лицами, способно облегчить задачу управляющего и суда в деле о несостоятельности. Кроме того, такое решение может ограничить действия должника по отчуждению его активов на территории других государств, кроме территории его COMI, поскольку *lex fori concursus* будет иметь универсальный охват и, в принципе, решения о признании сделок недействительными должны будут

соблюдаться независимо от местонахождения этих активов¹⁶.

Однако на практике возникает много сложностей. Их источник кроется в исключениях и отступлениях из *lex fori concursus*, установленных европейским законодателем. Из-за существенных расхождений между законодательствами государств-членов в отношении правомерности принятия мер по предотвращению совершения незаконных сделок, которые могут быть оспорены, продолжительности подозрительного периода, сроков, которые должны соблюдаться для введения процедуры, бремени доказывания, доступных средств защиты или санкций за незаконные действия (недействительность, неисполнимость, компенсации) решение конфликта законов является серьезной проблемой.

В качестве компромисса между принципами универсальности и территориальности в трансграничном производстве по делу о несостоятельности Регламент допускает, что за основным производством по делу о несостоятельности следует одно или несколько вторичных разбирательств. Они будут открыты в другом государстве-члене (других государствах-членах), чем в COMI должника, и их влияние будет ограничено активами должника, расположенными на территории этих государств-членов, — *lex concursus secundarii*.

Фактически после открытия вторичного производства по делу о несостоятельности основную роль в *lex concursus secundarii*, несомненно, будет играть процесс по оспариванию действия должника.

Компенсации или возмещения, присужденные после оспаривания действия должника, станут частью конкурсной массы должника и в конечном итоге будут использоваться для удовлетворения требований кредиторов, предъявивших свои требования в ходе этих разбирательств. Положения закона государства-члена вторичного производства об оспаривании дей-

2015/848 от 20.05.2015 о производстве по делу о несостоятельности (OJ L 141, 05.06.2015), применимым к производствам по делам о несостоятельности, открытым с 26 июня 2017 г.

¹⁶ Oprea E. A. The Law Applicable to Transaction Avoidance in Cross-Border Insolvency Proceedings // Recasting the Insolvency Regulation. Short Studies in Private International Law / V. Lazić, S. Stuij (eds). The Hague : T. M. C. Asser Press, 2020. P. 75.

ствий могут быть более гибкими или более либеральными, чем положения закона государства центра основных интересов должника. Вследствие этого сделка, которая не подлежит оспариванию на основании законодательства государства-члена об открытии основного производства по делу о несостоятельности, тем не менее может быть признана недействительной в результате применения закона, регулирующего вторичное производство (*lex concursus secundarii*).

Отдельного внимания заслуживает тот факт, что применение *lex fori concursus* подвергается определенным частичным отступлениям, что еще раз свидетельствует о компромиссе, достигнутом европейским законодателем в связи с различием в законодательстве государств-членов в области несостоятельности.

Так, в соответствии со ст. 11 EIR Recast последствия производства по делу о несостоятельности для договора, предусматривающего право приобретения или использования недвижимого имущества, регулируются исключительно законодательством государства-члена, на территории которого находится недвижимое имущество. Последствия производства по делу о несостоятельности для трудовых договоров определяются исключительно законодательством государства-члена, применимым к трудовому договору (ст. 13 EIR Recast). В соответствии со ст. 14 EIR Recast последствия производства по делу о несостоятельности для прав должника на недвижимое имущество, судно или воздушное судно, подлежащие регистрации в государственном реестре, регулируются законодательством государства-члена, под руководством которого ведется реестр. Наконец, статья 12 EIR Recast предусматривает, что последствия производства по делу о несостоятельности для прав и обязанностей участников платежной или расчетной системы или финансового рынка регулируются исключительно законодательством государства-члена, применимым к этой системе или рынку; второй параграф подтверждает применение законодательства того же государства в отношении возможных действий в отношении недействительности, недействительности или неисполнимости, которые могут быть приняты

для отмены платежей или сделок, заключенных такими сторонами.

Важные ограничения, налагаемые на применение *lex fori concursus*, продиктованы различием в законодательстве государств-членов. Они отражают политический выбор европейского законодателя для защиты некоторых категорий кредиторов от неожиданного вмешательства иностранного (возможно, неизвестного) закона о несостоятельности, для защиты торговли и поддержания правовой определенности.

Наиболее важным исключением в применении *lex fori concursus* является статья 16 EIR Recast (бывшая статья 13 EIR), которая представляет собой попытку европейского законодателя обеспечить надлежащий баланс между интересами третьей стороны, которая заключила с должником (в настоящее время несостоятельным) сделку, полностью действительную, в рамках *lex causae* и защитой кредиторов должника, которые могут оспаривать законность этих действий на основании *lex fori concursus*. Оспаривание, разрешенное *lex fori concursus*, будет заблокировано, когда сделка подпадает под действие закона государства-члена, отличного от государства открытия производства, и этот закон не позволяет оспаривать его в данном случае.

Необходимость защиты законных интересов третьих сторон становится все более острой в тех случаях, когда определение центра основных интересов должника (и *lex fori concursus*) не очень очевидно, а также когда после передачи своего COMI другому государству-члену должник обошел закон, регулирующий как производство по делу о несостоятельности, так и возможные действия по оспариванию сделок, с неожиданным (и возможным вредным) эффектом для его иностранного бизнес-партнера.

Признание возможности для третьих лиц полагаться при защите законности сделки, заключенной с должником, на применимое право, определенное с момента заключения этой сделки, укрепляет определенность и стабильность оборота и соответствует ожиданиям этих лиц. Этот акцент на законных интересах подразумевает, что контракты, в отношении которых может быть использована статья 16 EIR Recast,

должны быть заключены до открытия производства по делу о несостоятельности. В отношении сделок, заключенных после возбуждения процедуры банкротства, интересы третьих лиц в отношении действительности сделки, выходящие за рамки *lex fori concursus*, больше не подлежат защите.

Статья 16 EIR Recast представляет эффективный способ защиты для третьих сторон, столкнувшихся с оспариванием сделок. Сделка не может быть признана недействительной, если ее сторона докажет, что она была подчинена иностранному праву (*lex causae*), по которому при сравнимых обстоятельствах нет оснований для ее оспаривания. *Lex causae*, как правило, известно сторонам с момента заключения сделки (в отличие от *lex concursus*, в зависимости от локализации COMI или учреждения должника на территории определенного государства-члена в будущем) и будет иметь приоритет перед *lex concursus*. Однако, когда *lex causae* позволяет оспорить сделку, режим оспаривания сделки будет полностью установлен *lex concursus* (как предусмотрено в ст. 7(2) EIR Recast).

Указанный подход не является бесспорным и имеет как своих сторонников, так и противников среди европейского профессионального сообщества. Однако в ситуации глобализации банк-

ротств, необходимости защиты стабильности оборота и инвестиционной привлекательности государств он является наиболее приемлемым до тех пор, пока материальное право государств не будет унифицировано.

В отсутствие в России в настоящее время какого-либо правового регулирования как трансграничного банкротства, так и коллизионных вопросов недействительности сделок указанный европейский подход к коллизионному регулированию оспаривания сделок в процессе трансграничной несостоятельности позволит обеспечить соответствие российского законодательства мировым тенденциям в области регулирования трансграничной несостоятельности, а также повысит уровень конкурентной привлекательности российской юрисдикции, поскольку ситуации отказа в признании и исполнении решений российских судов в зарубежных государствах ввиду противоречия применимых норм права и нарушения публичного порядка признающего государства будут сведены к минимуму.

Кроме того, стоит обратить внимание и на необходимость согласования на международном уровне норм о трансграничной несостоятельности, что будет способствовать развитию международной торговли и росту инвестиций¹⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бардина М. П. Определение права, применимого к недействительности сделок // Государство и право. — 2017. — № 1. — С. 89–98.
2. Лунц Л. А. Международное частное право. Особенная часть. — Изд. 2-е. — М., 1975. — 504 с.
3. Мохова Е. В. Глобализация трансграничных банкротств в России: опыт движения на запад и перспективы развития в евразийском направлении // Закон. — 2017. — № 5. — С. 124–137.
4. Хлестова И. О., Щукин А. И. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, принятых в связи с производством по делам о банкротстве, в свете Типового закона ЮНСИТРАЛ 2018 г. // Журнал российского права. — 2020. — № 1. — С. 122–139.
5. Beale J. H. What Law Governs the Validity of Contract // Harvard Law Abstract. — 1909. Vol. XXIII. — № 1. — P. 1–11.

¹⁷ Хлестова И. О., Щукин А. И. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, принятых в связи с производством по делам о банкротстве, в свете Типового закона ЮНСИТРАЛ 2018 г. // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 139.

6. Oprea E. A. The Law Applicable to Transaction Avoidance in Cross-Border Insolvency Proceedings // Recasting the Insolvency Regulation. Short Studies in Private International Law / V. Lazić, S. Stuij (eds). — The Hague : T. M. C. Asser Press, 2020. — 134 p.

Материал поступил в редакцию 28 октября 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bardina M. P. Opređenje prava, primenimog k nedejstviteľnosti sdelok // Gosudarstvo i pravo. — 2017. — № 1. — S. 89–98.
2. Lunc L. A. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Osobennaya chast'. — Izd. 2-e. — M., 1975. — 504 s.
3. Mohova E. V. Globalizaciya transgranichnyh bankrotstv v Rossii: opyt dvizheniya na zapad i perspektivy razvitiya v evrazijskom napravlenii // Zakon. — 2017. — № 5. — S. 124–137.
4. Hlestova I. O., Shchukin A. I. Priznanie i privedenie v ispolnenie inostrannyh sudebnyh reshenij, prinyatyh v svyazi s proizvodstvom po delam o bankrotstve, v svete Tipovogo zakona YuNSITRAL 2018 g. // Zhurnal rossijskogo prava. — 2020. — № 1. — S. 122–139.
5. Beale J. H. What Law Governs the Validity of Contract // Harvard Law Abstract. — 1909. Vol. XXIII. — № 1. — P. 1–11.
6. Oprea E. A. The Law Applicable to Transaction Avoidance in Cross-Border Insolvency Proceedings // Recasting the Insolvency Regulation. Short Studies in Private International Law / V. Lazić, S. Stuij (eds). — The Hague : T. M. C. Asser Press, 2020. — 134 p.